

Николай Михайловский

Софья Николаевна

Беловодова

Николай Михайловский
Софья Николаевна Беловодова

«Public Domain»

1860

Михайловский Н. К.

Софья Николаевна Беловодова / Н. К. Михайловский — «Public Domain», 1860

ISBN 978-5-457-13110-1

Пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского» И. А. Гончарова. Статья представляет собой рецензию на опубликованные в № 2 «Современника» за 1860 год главы из романа И. А. Гончарова «Обрыв», который тогда еще назывался «Эпизоды из жизни Райского».

ISBN 978-5-457-13110-1

© Михайловский Н. К., 1860
© Public Domain, 1860

Николай Константинович Михайловский Софья Николаевна Беловодова

Любит вздремнуть русский народ. Всякий чисто русский, неонемечившийся человек непременно спит три раза в день, и спит, как истинный любитель, с наслаждением. Встанет, тянется, зеваает и наслаждается этим полусном. Наш народ и для черта за все его преступления придумал только то наказание, что он не может заснуть, несмотря на все усилия; следовательно, он считает подобное состояние самым мучительным, он не знает наказания хуже этого. В числе мифов других народов есть очарованный сон, и русская фантазия породила целое сонное царство. Такое уважение и любовь ко сну происходят от неспособности физических и нравственных сил к продолжительному напряжению. Русский народ любит дать отдохнуть своим богатырским силам; продолжительная, а тем более постоянная напряженность чувств, ума, воли, силы физической для него непонятна, точно так же, как непонятно для какого-нибудь немца отсутствие этой напряженности. Да и вся-то святая Русь долго-долго была сонным царством. . . Следовательно, это состояние ненапряженных сил не только понятно русскому, но и близко ему; оно есть что-то родное, русское. Тем не менее человека, спящего всю жизнь, всю жизнь не напрягающего своих сил, нам трудно себе представить. Даже и в сказках наших сонное царство просыпалось при звуках гуслей-самогудов. Г. Гончаров вводит нас в настоящее сонное царство. В самом деле, бодрствуют ли Обломов и Софья Николаевна Беловодова? Нет, они спят сном крепким, непробудным, сном очарованным.

Их погрузил в этот сон злой волшебник. Обломов и Софья Николаевна спят, но спят не одинаково. Обломов по временам всхрапывает, бредит – ему снятся и приятные для него предметы, подчас является и кошмар в виде письма от старосты; а Софья Николаевна спит сладким, тихим сном, без бреда и кошмаров. Ее ничто не тревожит. Дышится ей легко и свободно, заботливые руки отгоняют от нее насекомых, навевают на нее прохладу, ее охраняют от малейшего шума, который мог бы прекратить этот сладкий сон, напевают убаюкивающую песню. И она спит; только иной раз махнет она машинально, спросонья рукой, чтобы отогнать докучного комара Райского, который пищит ей под самым ухом то так жалобно, то так грозно, а она и не возьмет вдомек, чего надо этому комару, зачем с таким упрямством он хочет потревожить ее мирный сон.

Долго спали Обломов и Софья Николаевна спокойно; наконец, сон их был не нарушен, но несколько обеспокоен – явились гусли-самогуды: это Ольга и Штольц для Обломова и Райский для Беловодовой. Борьба этих элементов спящего и будящего составляет основу этих рассказов. Весьма интересно было бы сравнить характеры Ольги и Беловодовой, как представительниц этих противоположных начал, но пределы этой статьи не позволяют сделать этого.

Ольга, Штольц, Райский не более как гусли-самогуды. Они будят Обломова и Софью Николаевну не из любви, не из дружбы, не из желания им добра, а просто из лихорадочной жажды деятельности; деятельность есть для них потребность. Это люди с силами напряженными до высшей степени; это антирусские типы в этом отношении.

В самом деле, Ольга не любит Обломова, она не любит этого морально и физически залежавшегося человека; она любит только того Обломова, которого она надеется сотворить своими собственными силами, или лучше сказать – она любит свои планы относительно его возрождения, любит на них и в них, как в зеркале, любит на самое себя. Она полюбила бы, может быть, Обломова, если бы ей удалось его переработать. Но Обломов не мог перестать быть Обломовым, а потому Ольга не только не любила, но и не могла его никогда любить. Оттого личность Ольги как-то неопределенна, непонятна. Мы не понимаем этой лихорадочной деятельности, порожденной самолюбием и подавляющей все остальные

чувства в женщине. Таковы же и чувства Райского к Беловодовой. Не любовь к ближнему вообще, не любовь к Софье Николаевне в особенности, не дружба руководит им, а та же неутомимая жажда деятельности. Он хочет наблюдать в ней женщину, узнать, что таится под этой красотой, и, когда увидел, что в ней нет женщины, что ничего не таится под ее красотой, он задал себе задачу вызвать ее к жизни, разбудить, сделать женщиной.

Он страдает нравственной бессонницей, и ему досадно видеть такой глубокий, спокойный сон: ему хочется возмутить его. Он хочет, чтобы она по крайней мере забредила, и представляет ей страшные картины бедности, картины счастья и любви; но Софья Николаевна спит по-прежнему.

Но почему же Беловодова спит, а не бодрствует, не живет полной жизнью? Жизнь есть деятельность, и человек вполне живой деятелен; он чувствует, сочувствует, любит, ненавидит, работает умом, сердцем, руками. А можно ли это сказать о такой женщине, как Беловодова?

«Она, кажется, не слыхала, что есть на свете страсти, тревоги, мрак, чудовищные дела, невероятная, дикая игра событий и чувств, что летают вихри, ломают все, что кричат и вопиют люди, что есть оскорбления, печали, доводящие до отчаяния, сдергивающие с лица это сияние, эту горделивость и топчущие в грязь. Как же она смотрит на них, как понимает их, эти страсти и тревоги? Ужели притворство может быть доведено до такой изящной простоты, до такого сияющего чистосердечия? Большие серо-голубые глаза, не строгие и не темные, не любопытные, полны ровного, не мерцающего горения. Но в них теплится и чувство, кажется она не холодная, бессердечная женщина! Но какое это чувство? Не узнаешь! Чувство какого-то всеобщего благоволения, доброты ко всему на свете, доброты, не искусенной злом, – чувство, не вызванное на борьбу и не уступившее другому чувству, не сменившееся никаким мраком, никакою чертою зла, вражды, суровости, недоверчивости, даже сомнения. Говорит она, как смотрит, неторопливо, почти не выходя из средних нот, и если выдается в ее речи какое-нибудь более живое слово, если запросится быстрая, опередившая другие мысли мысль наружу, то лицо ее озарится также тихо и неторопливо лучом этой мысли, и голос слегка возвысится и потом снова упадет в обычный тон, и взгляд опять горит ровным светом ничего не желающего ведать чистосердечия. И весь образ сияет в невозмутимой красоте, как ясное, безоблачное, морозное утро с чуть-чуть греющим лучом. Глядя на нее, без доказательств поверишь, что она не ступит неправильно, не выйдет из магического круга чистоты и сияния не вследствие опыта, а по инстинкту, как рыба не выйдет на берег, а птица не окунется в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.